

Все события вымышлены,
любые совпадения
случайны

Кайди Лааньярв
и ее прекрасным детям
Эмили и сэру Ланселоту
за источник вдохновения
и невыдуманные истории

«Умение прощать и ни
о чем не думать может
быть крайне полезно».

«Она улыбнулась, и мне
показалось, что весь мир
стал светлее».

Ремарк Э.М.
«Три товарища»

Из ленты новостей: «Все внимание сейчас приковано к Краснокаменску. В ночь со 2 на 3 февраля там произошла трагедия – при сходе лавины погибли три человека: директор базы отдыха «Оленья сторожка» Олег Девятов, его жена Ирина и их полуторагодовалый ребенок. Старший, пятнадцатилетний, сын находится в реанимации. Десять постояльцев турбазы не пострадали. Их жизни находятся вне опасности. Сход лавины был зафиксирован в половине второго ночи. По предварительной оценке, ее размеры составляют около 300 квадратных метров. ЧП случилось без видимых причин. Следственный комитет начал проверку».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Патриция стояла над раскрытым чемоданом и задумчиво изучала его содержимое. Ей казалось, что, собирая вещи, она руководствовалась исключительно здравым смыслом, но здесь, на турбазе, целесообразность виделась совсем не так, как в Москве.

Конечно, костюм — легкий и теплый, купленный специально для этой поездки, оказался очень даже в тему, так же как и удобные высокие ботинки-дутики. Подруга Люська — заядлая горнолыжница и сноубордистка — очень советовала прикупить гейтор, он же нековормер, он же просто бафф — широкий шарф трубой, надежно защищающий голову и шею от снега и ветра. Перчатки, в том числе и запасные, три пары шерстяных носков, термобелье, спасающее от непогоды и возможной прохлады в доме. Все указания Патриция выполнила, хотя в доме оказалось так натоплено, что было не только тепло, а даже жарко.

Дом ей вообще нравился, ей было по вкусу все основательное, сделанное без излишней помпы, но добротнo и с заботой о комфорте постояльцев. Деревянный, из толстых вековых бревен, на первом этаже дом имел большой обеденный зал, в котором стояли огромный дубовый стол и тяжелые стулья, а с потолка свиса-

ли тяжелые хрустальные люстры с тысячей подвесок, не меньше.

На мягких кожаных диванах и в креслах хотелось сидеть, не вставая, ноги утопали в пушистом ковре с длинным ворсом, в камине многообещающе трещал огонь. В огромном, от пола до потолка, витражном окне расстилалась белая снежная гладь, от которой днем становилось больно глазам, а за ней вставали горы. Те самые, с которых Патриции предстояло научиться съезжать.

Конечно, затея отправиться сюда, за четыре с лишним тысячи километров от дома, была чистой воды авантюрой, но за прошлый год Патриция так соскучилась по путешествиям, что любую перемену мест воспринимала как подарок судьбы. Идея поехать в Красноярский край кататься на лыжах принадлежала подруге Люське. Здесь было дешевле, чем в Сочи, на Красной Поляне, куда в этом году, кажется, отправились все знакомые. Как раз от них Люська и сбегала, приходя в себя после неудачного романа, а Патриции было все равно. Красноярск так Красноярск. Точнее, Краснокаменск.

Кто ж мог знать, что практически перед самым выездом Люська заболит и останется дома, надсадно кашляя и сбивая огромную температуру. То есть, конечно, в нынешние времена предполагать такую возможность, готовясь к поездке, следовало, но, как ни странно, ни сама Люська, ни Патриция вообще не думали о плохом, а потому, столкнувшись с неизбежным, немного растерялись.

Отказаться от столь вожделенного отпуска и остаться в Москве из солидарности с подругой, коротая в кои-то веки выпавшие свободные дни на диване перед те-

левизором и с книжкой в руках, или улететь одной, при этом ни разу в жизни не стояв на горных лыжах? С выбором Патриция промучилась все оставшиеся до отъезда три дня, а потом все-таки полетела, решив, что не пропадет. В конце концов, и в Красноярском крае люди живут.

И вот она была здесь, в гостеприимном деревянном доме, про который ей все время казалось, будто он дышит. Помимо гостиного зала со столом, камином, диванами и домашним кинотеатром, на первом этаже также располагались просторная кухня со всем необходимым оборудованием, отделенная от гостиной лишь небольшим подиумом, финская сауна с комнатой отдыха, гостевой санузел, комната для персонала, где можно было разжиться утюгом и гладильной доской, а также две спальни.

Зачем на турбазе гладильная доска, Патриция вначале не поняла, но через два часа после приезда, заявившись на первый в новом месте ужин в одном из двух взятых с собой спортивных костюмов и кроссовках, увидела постоялицу одного из нижних номеров в маленьком черном платье с открытой спиной. Поняв, что утюг в здешних широтах вещь все-таки необходимая, она и стояла сейчас над своим открытым чемоданом, уныло пытаясь понять, как жить в оставшиеся шесть дней. Маленького черного платья у нее не было, и вообще ничего, кроме спортивной одежды, не имелось, не считая джинсов и свитера, конечно. За вечерний наряд они не могли сойти даже в первом приближении.

Ее номер, не очень большой, но уютный, с огромной двуспальной кроватью, встроенным шкафом, сушилкой

для лыжной одежды и очень комфортной и стильной ванной комнатой, располагался на втором этаже. Как знала Патриция из описания базы, изученного на сайте вдоль и поперек, здесь располагались еще два таких номера, а также один двухкомнатный люкс. Интересно, сколько всего на базе сейчас гостей?

Шумная незнакомая компания страшила Патрицию, и она вдруг остро пожалела, что приехала в Краснокаменск, да еще в одиночку. А вдруг кто-нибудь из гостей будет навязчив? Как она справится, если это случится? Думать о неприятном не хотелось, зато все явственнее давал о себе знать голод: с раннего завтрака в самолете она ничего не ела, а запахи с первого этажа доносились дразнящие.

Еще раз бросив отчаянный взгляд на чемодан, как будто от этого в нем могло появиться что-то приличное, чего Патриция туда не клала, она легонько вздохнула, захлопнула крышку и снова сбежала по лестнице вниз, смиряясь с неизбежным.

Дама с голой спиной все так же стояла у окна, листая какой-то журнал. На вид ей было лет сорок, хотя, надо признать, она всеми силами пыталась это скрыть. Лицо было подтянутым, немного неестественным, как всегда бывает у женщин, злоупотребляющих услугами косметолога, а еще очень уставшим, почти измученным.

При звуке шагов дама повернулась, быстрым цепким взглядом окинула Патрицию с головы до ног, явно оценив недешевый спортивный костюм и кроссовки престижного бренда, чуть задержалась на перехваченных резинкой для волос буйных кудрях, которые сама Патриция считала главным своим достоинством, и шагнула вперед, по-мужски протягивая руку.

— Здравствуйте, я Карина Матяш. Хозяйка сказала, что вы приехали одна, я тоже, так что рада, что нам обеим не придется прозябать в одиночестве.

Чего-чего, а одиночества Патриция как раз не страшилась. Оно было ее прибежищем, ее отрадой, ее уютной раковинкой, в которой можно было надежно укрыться от несовершенства окружающего мира. С самой собой Патриции никогда не было скучно, а потому чужой компании она, как правило, не искала.

— Приятно познакомиться, — вежливо ответила она, покрывив душой, — Патриция Леман. Я действительно приехала одна, потому что моя подруга заболела, а отменять поездку в последний момент не захотелось.

— Какое у вас необычное имя, — прищурившись, сказала ее новая знакомая. — Вы из этнических немцев?

— Папа — немец, мама — русская, — сухо ответила Патриция, предпочитая не вдаваться в особенности своей биографии. — Меня называли в честь папиной любимой книжной героини, что, несомненно, добавило мне в детстве проблем.

Договорить она не успела, потому что с лестницы с грохотом скатился русоволосый мальчик лет четырех, одетый почему-то в костюм единорога. Кажется, такой вид одежды назывался кигуруми.

— Папагой, — возвестил он, подойдя к Патриции и требовательно глядя на нее.

— Что? — не поняла та.

— Мне нужен мой папагой. Ты его видела?

В речи мальчика было что-то неправильное, какой-то легкий акцент, что ли. Или просто ему нужен логопед? Как бы то ни было, Патриция понятия не имела, о чем именно он спрашивает.

— У меня его нет, — ответила она и даже развела руками. — Может быть, ты в другом месте поищешь? А потом покажешь мне, ужасно хочется на него посмотреть.

— Ланс, сэра Ланселот Нильс, — услышался с лестницы мелодичный, очень приятный женский голос, а затем показалась и его обладательница — высокая худощавая женщина с нежными чертами лица и огненно-рыжими волосами. Она снова заговорила, только теперь Патриция не понимала ни слова.

— Вы на каком языке говорите с сыном? — спросила из-за ее спины Карина.

Патриция поморщилась, потому что не любила бесцеремонности.

— На эстонском.

— На эстонском? Ни за что бы не догадалась.

Патриция снова поморщилась, потому что не любила банальности.

— Давайте знакомиться, — на правильном русском языке произнесла между тем высокая красotka. Патриция невольно ею любовалась, поскольку живые, полные внутреннего огня глаза придавали лицу незнакомки особую прелесть. — Меня зовут Кайди Ратсепп. А этот маленький сорванец мой сын. Лансюша, скажи тетям, как тебя зовут.

— От. Поисс, — непонятно, но весьма дружелюбно сообщил мальчишка, чьи кудрявые волосы делали его похожим на ангела.

— Поиски — по-эстонски мальчик, — пояснила Кайди, а От — это сокращенно от Ланселот Нильс. Мы с мужем между собой зовем нашего сына сэра Ланселот.

— Почему? — не поняла Карина, явно не слышавшая ни о короле Артуре, ни о рыцарях Круглого стола.

Патриция вздохнула.

— Неважно, не берите в голову, — махнула рукой Кайди. — С нами еще наш папа Айгар и наша старшая дочь Эмилия. А вы?

— Это Карина, а я — Патриция.

— Оу, если ваша фамилия Хольман, то я буду с вами фотографироваться, — вскричала Кайди, явно более начитанная, чем Карина. — Обожаю «Три товарища». Это моя самая любимая книга у Ремарка.

— Нет, моя фамилия Леман, но мой папа тоже обожал Ремарка и мог цитировать «Трех товарищей» без остановки. Близкие зовут меня Пат или Триш. Более оригинально сократить мое имя непросто. Кайди, вы приехали сюда кататься на лыжах из Эстонии?

— Да, понимаю, что это выглядит странно, но мой муж родом из этих мест, — охотно пояснила женщина. — Уехал в Эстонию в девяностых годах, тогда многие отправлялись на историческую родину. Он предприниматель, у него бизнес, который требует довольно частых поездок в Россию. Так что мы путешествуем вместе с ним. Летом — в Москву, а сейчас решили сюда, в Красноярский край. Мы обожаем горные лыжи, а в этом году, сами понимаете, выбор не очень велик.

— Да, иначе бы мы тут все вряд ли оказались. Хотя я, надо признаться, на лыжах не стояла ни разу в жизни, это меня подруга подбила, а сама заболела.

— А я здесь по работе, — сообщила Карина, которой, судя по всему, наскучило следить за чужим разговором. — Я менеджер по туризму. Осматриваю новые продукты для наших клиентов. Вы правы, в этом году приходится изворачиваться, чтобы чем-то заменить по-

любившиеся людям варианты. Но, судя по всему, тут очень даже неплохо. А вы кем работаете?

— Я... — Кайди вдруг на мгновение запнулась. Легкая тень пробежала по ее лицу и тут же пропала, — я только что вышла из декретного отпуска. Три года не работала, так что, боюсь, весь профессионализм теперь придется накапливать заново.

— А я — личный помощник, — Патриция решила прийти ей на помощь и переключить внимание любопытной Карины. — Покупка билетов, сопровождение встреч, расписание, дети в школу, машина на мойку, вот это все.

— Интим с шефом в служебные обязанности входит? — деловито спросила Карина.

От этого простого и тоже до оскомины банального вопроса у Патриции потемнело в глазах. Она глубоко вздохнула и задержала воздух в груди, чтобы не сорваться.

— Нет, не входит. А вот переводы с трех языков, один из которых китайский, да.

— То есть интим по отдельному тарифу, — глубокомысленно хмыкнула собеседница, окинув взглядом все тот же спортивный костюм, несмотря на бренд, не шедший ни в какое сравнение с маленьким черным платьем. — Вариант «по любви» я, простите, отметаю. Вы в своем костюме от Армани на «такую» не похожи.

«Не сорваться, не сорваться», — твердил кто-то маленький и злой, живущий внутри Патриции. Это было трудно, но ее спас юный сэр Ланселот, с новой силой возопивший:

— Папагой!

— Чего он хочет? — полюбопытствовала Патриция.

— Ищет своего попугая. Понимаете, привычные для большинства детей логопедические проблемы в нашем случае еще накладываются на трудности, с которыми сталкиваются все билингвы. Сэр часто смешивает русские и эстонские слова, которые к тому же неправильно запоминает и не может четко произнести. В нашей семье это постоянный повод для шуток. Ланс, тут нет твоего попугая, ты совершенно зря выскочил из номера, пойдем, а то папа и Эмилия нас потеряют. Поищем попугая внутри.

— У вас люкс, — догадалась Патриция.

— Да, вчетвером в двухместном номере было бы трудно, особенно с таким подвижным ребенком, как юный сэр. Ланс, пойдем.

И они поднялись по лестнице и скрылись в своем номере, снова оставив Патрицию и Карину наедине. Впрочем, ненадолго. Открылась входная дверь, и в комнату вплыла хозяйка турбазы. Ее Патриция видела при заселении, а потому знала, что женщину зовут Ириной. Внешне она выглядела ровесницей Патриции, может, на пару лет моложе. Муж же ее, Олег Девятов, был существенно старше, лет сорока пяти. Такие разновозрастные браки всегда интересовали Патрицию до невозможности, поэтому к Девятовым она присматривалась с жадным вниманием. Впрочем, как и Карина. Ее острый, направленный на Ирину взгляд, казалось, прожигал в той дыру.

Ирина с шумом высыпала у камина связку дров.

— Мужчины спустятся к ужину, спросите, сами они растопят камин или надо работника прислать, — попросила она. — Официанты сейчас придут и стол накроют. Думаю, что минут через десять все будет готово.

— Много в доме гостей? — спросила Патриция.
— Вместе с вами десять человек. Все комнаты заняты.

— А вы где ночуете?

— У нас свой отдельный дом на территории, — Ирина говорила вежливо, но не очень охотно. — Мы же здесь круглый год обитаем, базу нельзя оставить без надзора даже в межсезонье. Да и животные требуют пригляда. Работников мы, конечно, распускаем, но сами остаемся.

— Животные?

— Здесь же оленья ферма, — вступила в разговор Карина, видимо, разрабатывая новые туристические маршруты, она с вниманием относилась к мелочам. — База называется «Оленья сторожка» не просто так. Тут разводят оленей, так что с точки зрения туристической привлекательности место, несомненно, имеет свою фишку.

Патриция вдруг подумала, с каким восторгом воспримет известие об оленях маленький «мальчик От». Еще бы, детям здесь иначе было бы совсем скучно. Кстати, о детях.

— А дети ваши тоже круглый год тут живут? — спросила она у Ирины, скорее для поддержания разговора, чем из интереса. — Насколько я понимаю, до ближайшей школы довольно далеко.

— Не очень, — все так же сдержанно пояснила Ирина. — Нашему младшему сыну полтора года. А что касается старшего, то он ходит в школу, расположенную здесь, в поселке. Мы же фактически на окраине, пусть и в стороне. На машине до школы двадцать минут, Олег возит дважды в день. А куда деваться.

— Ваша комната на втором этаже? — спросила Карина у Патриции.

— Да.

— Интересно, кто мой сосед на первом? — Женщина потянулась всем своим, надо отметить, роскошным телом. — Признаться, в такой глуши бывает довольно страшно ночью, так что я бы предпочла иметь в соседях крепкого мужчину.

— Не сомневаюсь. — Патриции показалось или в тоне Ирины сквозила язвительность?

Впрочем, подумать над этим она не успела, потому что хлопнула дверь в коридоре, и из того самого второго номера на первом этаже появился мужчина, высокий и плечистый, довольно красивый, именно такой, о каком только что грезил Карина. Патриция не удержалась и хрюкнула от смеха.

— Что? У меня чернильное пятно на носу или прыщ на подбородке? — уточнил вошедший.

Она покачала головой, давая понять, что все в порядке, а ее смех к нему не относится.

— Это радует. Добрый вечер, меня зовут Павел.

— Карина.

— Патриция.

— Кайди. — С лестницы вновь спустилась прекрасная эстонка, а следом за ней члены ее семьи. — А это моя дочь Эмилия, сын Ланселот и муж Айгар. Здравствуйте.

— Начинаю испытывать комплекс неполноценности от того, что я всего-навсего Павел, — пробормотал жилец с первого этажа. — Боюсь, дамы и господа, у меня не получится с первого раза правильно запомнить ваши имена.

— Ничего страшного, потренируетесь, — Карина явно шла на сближение, по крайней мере, смотрела она на Павла весьма призывно, то и дело облизывая нижнюю губу, весьма пухлую.

Патриции снова стало смешно. Айгар, муж Кайди, оказался похож на викинга — высокий, крепкий, широкоплечий, со светлыми волосами и ярко-синими глазами, он удивительно подходил своей худощавой высокой жене, и Патриция невольно залюбовалась этой парой, поскольку ей нравилось смотреть на красивое.

Эмилия оказалась светловолосой и тоже высокой, видимо, в мать, а маленький Ланс прижимал к груди большого мягкого попугая и выглядел умиротворенным, из чего Патриция сделала вывод, что «папагой» все-таки нашелся.

В дом, стряхивая снег с ботинок, вошли официанты — двое молодых мужчин, несущих термосумки с едой, начали ловко и споро накрывать на стол.

— Рассаживайтесь, — пригласила Ирина, — сегодня у нас на ужин печеная картошка, соленые грибы со сметаной и луком, оленьи язычки в желе, домашние колбаски на гриле, форель, запеченная в соли. Для детей сосиски отварены, если они вдруг что-то не будут.

— Я буду домашние колбаски, — сообщил сэръ Ланселот, — а кровяной колбасы нет?

— Нет, — ответила Кайди и снова перешла на эстонский, видимо, объясняя сыну особенности местной кухни, не предусматривающие подачу кровяной колбасы.

— Вы на каком языке разговариваете? — спросила Ирина.

Патриция заметила, как коротко, одними губами усмехнулся Павел, видимо, тоже не терпел бесцеремонности.

— На эстонском, — спокойно ответил Айгар.

— Как необычно, я думала, на финском. Хотя мой муж имел какое-то отношение к Эстонии, по крайней мере, он упоминал какой-то эстонский то ли остров, то ли город, название не помню.

— Бывает. — Да, было похоже, что «викинг» не разбрасывается словами попусту.

Начали неспешно рассаживаться вокруг большого стола. Павел отодвинул для Патриции стул, она поблагодарила его глазами, успев заметить, как недовольно скривилась Карина.

— А разве все гости уже в сборе? — спросила та. — Или мы не будем никого больше ждать?

— Еще трое мужчин, — охотно пояснила Ирина. — Один наверху, в своей комнате, думаю, что сейчас спустится, а еще двое — друзья, забронировавшие один номер на двоих, пока не подъехали, но мы ждем их с минуты на минуту.

— Номер на двоих? Надеюсь, они натуралы, а то, признаюсь, компания начинает казаться мне скучной, — капризно сказала Карина, бросив многозначительный взгляд на Павла. — От настоящего мужского плеча рядом я бы не отказалась.

Патриции надоело смотреть на это представление, отдающее дурновкусием, а потому она деловито наложила в тарелку исходящей паром картошки и горку скользких белых груздей, пересыпанных луковыми колечками, сделала сверху нашлепку из жирной сметаны, наколола гриб на вилку, макнула в сметану, положила в рот и зажмурилась от удовольствия. Вкусно.

Заскрипела лестница, и в зал спустился невысокий, довольно плотный, но подвижный мужчина лет сорока пяти, в дорогих очках и отчего-то стеганой бархатной домашней куртке с кистями. На горнолыжной базе куртка выглядела неуместно, а в сочетании с коктейльным платьем Карины и просто нелепо. К радости Патриции, все остальные гости были одеты, как она: Кайди, Эмилия и Павел в спортивные костюмы, Айгар и маленький Ланс — в джинсы и толстовки. Вот и славно.

— Добрый вечер, — произнес тем временем новый гость. — Меня зовут Аркадий Петрович. Приятно познакомиться.

Компания вразнобой поздоровалась, занятая ужином.

— Вы откуда? — спросил Павел, видимо, для поддержания разговора. — Местный или из Москвы?

Простой вопрос почему-то привел гостя в смятение. Он суетливо сорвал очки, протер их вынутой из кармана бархоткой, водрузил обратно на нос.

— Из Москвы, — наконец сказал он. — Разумеется, из Москвы.

— И это так странно. — Ирина, закончившая расставлять тарелки со снедью и уже собиравшаяся уходить, вдруг остановилась как вкопанная. — Я все пыталась понять, что не так, и только сейчас поняла. В этот заезд все неместные. Вот ведь чудеса.

— Почему чудеса? — не поняла Патриция. — Разве у вас не бывало раньше гостей из других мест?

— Да, бывали, разумеется, — то ли с досадой, то ли все с тем же недоумением объяснила Ирина. — Понимаете, «Оленья сторожка» — довольно популярное место отдыха именно у жителей Норильска. Все знают, что

здесь можно заниматься и начинающим, и уже матерым лыжникам и сноубордистам. Ехать недалеко, условия хорошие, канатка и подъемник новые, инвентарь напрокат можно взять, кормим вкусно, да еще и для детей развлечение есть — питомник с оленями. По сравнению с Альпами и Сочи цены у нас доступные. Так что едут к нам и из Москвы, но одна пара там или две. Ну, еще вариант — целая компания, забронировавшая турбазу целиком. Но чтобы вот так, по отдельности, такое впервые.

— Не вижу ничего странного, — Павел пожал плечами, — тем более что из Москвы только Карина, Патриция и Аркадий, э-э-э, Петрович. Я из Архангельска, Айгар и Кайди вообще из Эстонии, а про тех двоих, кто еще не приехал, мы вообще пока не знаем, откуда они.

— Мы приехали, — послышался от двери веселый мужской голос, и в комнату ввалились два парня лет тридцати шести — тридцати восьми, оба с модной щетиной на щеках, в ярких пуховиках и весьма дорогих спортивных ботинках. При виде их Карина повела плечами, спуская вырез платья пониже, а Ирина вздохнула, глядя, как опадает на расстеленный на полу ковер мокрый снег. — Я Эдик, он — Серега, Сергей, и мы жутко голодные с дороги.

— Ваша комната наверху, номер шесть, пожалуйста. Располагайтесь и спускайтесь, ужин на столе, — велела хозяйка дома. — Я, с вашего позволения, вас оставлю, мне нужно покормить семью и уложить младшего сына спать. Вечером я к вам загляну, чтобы рассказать, как у нас тут все устроено. Надеюсь, что вы найдете общие темы для разговора, ведь в компании друг друга

вам предстоит провести шесть дней. И в нашей с мужем компании тоже.

Лучезарно улыбнувшись напоследок, Ирина исчезла. Хлопнула входная дверь, и на мгновение в домике стало тихо.

— Ну что же, — прервал неловкую паузу Айгар, — давайте выпьем за знакомство, что ли. Кстати, если кому удобнее, то меня можно звать Гариком.

— А меня От. Поисс, — тут же вставил юный сэра Ланселот. — А это мой папагой.

— Мальчик Ланселот, — пояснила вновь прибывшим Кайди и что-то сказала сыну по-эстонски.

— Это на каком языке? — спросил парень, которого звали Серегой.

Айгар вздохнул и пояснил, на каком.

— Какая экзотика. Первый раз слышу эстонскую речь, — с искренним изумлением сказал парень.

Патриция весело рассмеялась и с удовольствием начала поглощать свой вкусный ужин, вдруг почувствовав, что ужасно проголодалась. Вокруг нее шумела разношерстная, но явно неплохая компания, состоящая из четырех мужчин, трех женщин и двух детей.

* * *

Иногда мне кажется, что все позади. Тягостные воспоминания погребены под лавиной других, не таких важных, не столь болезненных, просто более свежих, ведь в нашей жизни каждый день находится тысяча поводов для эмоций, которые слой за слоем, шаг за шагом стирают старые воспоминания, заставляя их тускнеть.

Да, иногда кажется, что мне удалось забыть. Но потом яркая вспышка света ударяет по глазам, внутри черепной коробки взрывается сгусток боли, стремительно распространяется взрывной волной, заполняя собой все пространство, размывает мысли и чувства, убивает силу воли, благодаря которой ты стараешься не думать, не вспоминать.

Страшно терять свою семью. Вдвойне страшно, когда эта потеря — результат не смертельной аварии или страшной болезни, не стечение обстоятельств, а следствие чужой, тщательно спланированной подлости. Страшно втройне, когда эту подлость придумал и воплотил близкий тебе человек. Тот, ближе которого у тебя не было.

До шестнадцати лет у меня был брат. Родной старший брат, вписывающийся за меня в любой школьный конфликт, помогающий с уроками, защищающий от родительского гнева. До шестнадцати лет у меня была семья, в которой меня не всегда понимали, но точно любили. По крайней мере, мне так казалось.

С тех пор прошло очень много лет. Но я до мельчайших подробностей помню тот день, когда всего этого у меня не стало. Ни брата, ни семьи, одно только неизбывное одиночество. Как оказалось, оно не проходит только от того, что рано или поздно ты оказываешься среди людей. От сковавшего тебя холода не спасает собственная семья, любимые рядом, их поддержка, ласка, внимание и готовность мириться с твоим настроем, когда тебя «накрывает».

Я помню ту последовательность сменяющихся внутри чувств — от непонимания через удивление к изумлению, ужасу и отчаянию, — когда до тебя вдруг начи-

нает доходить, что тебя предали. Вы скажете мне, что любой человек рано или поздно сталкивается с предательством. Но когда тебя предаёт собственный брат, когда в искусно состряпанную им чудовищную ложь безоговорочно верят родители, а тебе при этом всего шестнадцать, ты не думаешь о том, что так бывает со всеми.

В этот момент ты просто в одиночестве стоишь на вершине высокой, совершенно голой скалы, под которой бушует бездонное море. С грохотом срываются вниз камни под твоими ногами, утес становится все меньше, и ты понимаешь, что сейчас свалишься в пучину и море поглотит тебя, сомкнет волны, навсегда закрыв солнечный свет. Поверьте, больше никогда в жизни мне не было так больно.

Когда ты осознаешь, что тебя предали, ты делаешь единственно возможное — поворачиваешься и уходишь. Обычно так поступают с приходом взрослости, но мне пришлось уйти, когда мне было всего шестнадцать. Нет, не уйти, уехать. Поменять город и окружение, лишиться семьи и привычного образа жизни, а главное — веры в людей. Тогда меня спасли бабушка и дед, которые не дали пропасть, вытащили из пучины отчаяния, вдохнули веру в себя и надежду на то, что когда-нибудь все обязательно наладится.

Благодаря им я выжил. Стал взрослым. Научился прощать. На это ушло много лет. Чем дальше уводила меня жизнь от того нескладного, смертельно раненного подростка, который никак не мог понять, почему в одночасье лишился родителей и брата, тем больше готовила к тому, чтобы однажды понять, а вслед за тем и простить.

Несколько раз мне казалось, что все получится. В смысле, воссоединение семьи состоится, потому что там, дома, вернее, в месте, которое когда-то было моим домом, меня все так же любят и ждут. Мне было двадцать три, когда умер дед, а вслед за ним, спустя месяц, ушла из жизни бабушка. Тогда мне казалось, что смерть — прекрасный повод для прощения, но телеграмма, отправленная родителям, осталась без ответа. Они не приехали на похороны. Ни на первые, ни на вторые, ни на девятый день, ни на сороковой.

Мне было трудно это понять, и снова навалившееся одиночество плохо способствовало прощению, задушив его в зародыше. Потом у меня появилась собственная семья, и мне снова показалось, что новая жизнь — прекрасный повод для прощения, но и эта телеграмма тоже осталась без ответа. Ни меня, ни моих любимых потерянная когда-то семья вовсе не стремилась видеть. Они так и не простили мне свое предательство.

Когда родителей не стало, это тоже выяснилось случайно. Рассказал одноклассник, проездом оказавшийся в моем городе. Брат даже не счел нужным дать мне телеграмму, и примирение в очередной раз отодвинулось на неопределенный срок, да и прощать стало практически некого. Из троих предателей остался он один. Мой брат.

Много лет мне казалось, что я не нуждаюсь в том, чтобы его простить. Можно было просто жить, работать, любить СВОЕГО человека, дарованного мне богом, видимо, в награду за все предыдущие страдания. Но с годами желание увидеть брата, посмотреть ему в глаза, спросить, почему так получилось, узнать даже не о том, раскаялся ли он, нет, о том, сожалел ли хотя бы раз,

пусть всего лишь одну короткую минуту, о совершенном им, становилось все сильнее.

В год пандемии мне случилось сильно заболеть. Очень сильно, почти смертельно. Три дня пришлось балансировать на зыбкой грани, отделяющей мир живых от мира мертвых, и только чудо не дало мне соскользнуть туда, откуда уже не было возврата. Все эти три дня мне постоянно чудился брат: виделся в бреду, снился во сне. Когда болезнь отступила, откуда-то пришло понимание, что это было не просто так, это знак, что дыру в прошлом все-таки надо закрыть, заштопать.

«Оленья сторожка». Место, в котором я смогу увидеть своего брата, называется очень поэтично. Отчего-то и в этом мне тоже видится знак, хотя излишняя романтичность никогда не была мне свойственна. Я очень приземленный человек, не витающий в облаках и твердо стоящий на земле, практически вросший в нее. Здесь, в «Оленьей сторожке», я наконец все узнаю. Здесь я смогу понять. И простить. Наверное. По крайней мере, мне бы очень этого хотелось. Простить.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Первую ночь на новом месте Патриция всегда спала плохо. Так повелось с детства. Родители каждый год летом возили ее и брата на море, и там в первую ночь она долго лежала без сна, прислушиваясь к незнакомым звукам, будь то шум прибоя, скрип кровати за тонкой фанерной стенкой, чьи-то тихие шаги по песку, мяуканье вечно голодных котов, шорох сушащегося на веревке во дворе белья.

Под эти звуки, нестрашные, но совсем чужие, ей нравилось придумывать разные истории. Про русалок в море, про домового, из-за которого скрипит кровать, про влюбленную девушку, крадучись возвращающуюся домой со свидания, про потерявшего хозяев кота, про семью, которой принадлежат полотенца во дворе. Старший брат, которому она поутру пыталась рассказать о своих фантазиях, всегда смеялся и называл ее выдумщицей.

Выросшая Патриция никогда не путешествовала с родителями и братом, зато много ездила в командировки. Как личный помощник руководителя, она, как правило, всегда сопровождала шефа в деловых поездках, и неумение засыпать в незнакомом месте теперь исправно служило ей плохую службу. Мучаясь в очередном гостиничном номере без сна, она знала, что утром встанет совсем разбитой, и предстоящий день, полный переговоров, зачастую на чужом языке, сложных планов и тысячи дел, страшил ее возможным провалом.

Больше всего на свете Патриция боялась показаться некомпетентной и после бессонной ночи вливала в себя литры кофе, чтобы взбодриться. Бодрость не наступала, лишь тошнота, привкус кофе горчил во рту, покрасневшие глаза слезились, и Патриции казалось, что она похожа на кролика, внимание рассеивалось, голова болела, но она все равно выполняла свою работу, причем на «отлично», потому что иначе не могла, не умела.

Она знала, что главное в командировке — пережить эту первую ночь и следующий за ней день, потому что затем наступала вторая спасительная ночь, в которую Патриция засыпала сразу же, едва касалась головой подушки, и наутро вставала свежая и бодрая, готовая

к трудовым подвигам и свершениям. Первая ночь на чужбине была ее особенностью, ее проклятием, и со временем Патриция научилась встречать ее лицом к лицу. Не ныть, не грустить, не прятаться, не психовать, а, лежа в постели, придумывать какую-нибудь интересную историю, как когда-то в детстве, или повторять иностранные слова, сама с собой играя в уме в скребл.

Вот и в «Оленьей сторожке», поднявшись в свою комнату после ужина, она с удовольствием приняла ванну, не торопясь и от души нежась в душистой пене, потом влезла в уютную клетчатую пижаму, специально купленную для поездки на турбазу, натянула шерстяные носки, потому что ноги у нее мерзли даже в щедро нагретой комнате, достала книжку и приготовилась к долгому чтению. И уснула.

Возможно, причина тому крылась в абсолютной тишине, которая спустилась на базу отдыха, словно по мановению волшебной палочки. Ночь была безветренной. Не качался фонарь, освещающий вход в дом, тропинку, ведущую к бане, и более широкую дорожку, по которой можно было пройти к хозяйскому дому, автомобильной стоянке и, чуть дальше, подъемнику, ведущему на гору. Мирно спали все обитатели базы, которых, видимо, не тревожили ни дурные мысли, ни злые сновидения. Не скрипела ведущая на второй этаж лестница, не шумел ратрак, раскатывающий склоны. Над «Оленьей сторожкой» стояла абсолютная тишина, под которую спалось необычайно сладко.

Патриция проснулась только тогда, когда ее комнату начали заливать первые, несмелые лучи утреннего солнца, бросила глаза на часы и подпрыгнула на постели. 9.45! Не может быть! Никогда и ни при каких

обстоятельствах она не просыпалась позднее половины восьмого, а ее обычное рабочее утро и вовсе начиналось в шесть. Ах да, в Москве на четыре часа меньше, то есть 5.45, все нормально, из-за непонятого сбоя биологических часов можно не волноваться.

Кажется, поводов для волнения вообще не было. Здесь, под Норильском, в месте, которое еще пару лет назад могло показаться Патриции вымышленным, настолько далеко оно находилось от ее повседневной столичной жизни, было так спокойно и тихо, что уши закладывало. И почему она никогда раньше сюда не приезжала?

Потянувшись и вскочив с постели, чтобы не пропустить завтрак, она быстро натянула свой удобный спортивный костюм прямо поверх пижамы, собрала волосы в хвост и спустилась вниз, в гостиную, где уже горел разожженный с утра пораньше камин, на столе стояла внушительная стопка блинов, а вместе с ними плошки со сметаной, сгущенкой, всевозможным вареньем, нарезанной ветчиной, рублеными яйцами, красной рыбой, сливочным маслом, икрой и медом. По комнате плыл умопомрачительный запах свеже сваренного кофе. Патриция сглотнула.

— Доброе утро, — приветствовала ее хлопочущая у плиты в кухонной части комнаты Ирина. — Садитесь за стол. Вы что будете — кашу, сосиски или яичницу? А может, творог хотите? У нас свежий, фермерский.

— Яичницу, — подумав, сообщила Патриция. — А больше ничего не надо. Блины же есть, и, как я вижу, чудесные. А все уже встали?

— Только Ратсеппы. У нас же с Москвой огромная разница во времени, так что, по вашим меркам, еще

очень рано. А у них сын — такой непоседа. Кайди сказала, что он обычно в пять утра просыпается, я ей прямо посочувствовала, у меня-то малыш спит, пока не разбудить. Я успеваю все дела с утра переделать и старшего в школу отправить. Так что они уже позавтракали и ушли смотреть оленей. Ланс потребовал. А все остальные еще спят. Вам сварить кофе?

— Не беспокойтесь, я сама, — сказала Патриция, которой было немного неловко от того, что ее обслуживали. Когда это делали официанты в обычных отелях, чувство неловкости никогда не возникало, а тут почему-то да.

— Да, конечно, почувствуйте себя как дома. Сливки в холодильнике, так что берите, что хотите. Ой, яйца кончились. Но ничего, я сейчас домой сбегаю, у меня там специальная комната-склад, так что все есть, вы не думайте.

— Да не надо тогда яичницу, — попробовала удержать хозяйку Патриция. — Я и кашу съем или творог.

— Нет-нет, мне не трудно, тем более остальные гости тоже пока не завтракали. Я мигом, одна нога здесь, другая — там.

Накинув тулуп, Ирина выскочила из дома, оставив Патрицию в одиночестве. Та прошла по комнате, с удовольствием оглядела накрытый к завтраку стол, изучив устройство кофемашины, ткнула на нужную кнопку, чтобы получить первую на сегодня чашечку кофе.

Снова хлопнула входная дверь, впусив клубы морозного воздуха, который из прихожей несмело пробрался в столовую, скользнув по ногам пушистым котом. Благодаря предусмотрительно надетым теплым носкам Патриции было не холодно. Оставалось совер-

шенно непонятным, как Ирина могла обернуться так быстро, но удивиться этому факту Патриция не успела, потому что в комнату ввалился высокий мужчина в лыжном комбинезоне. Был он бородат и грузен, а еще, судя по выражению лица, не больно приветлив. Патриция уже видела его вчера, при заселении. Это был хозяин базы и муж Ирины.

— Доброе утро, — поздоровалась она.

— Здравствуйте, — буркнул мужчина. — Я Олег Девятов.

— О, очень приятно, а я Патриция Леман. Боюсь, все остальные гости еще спят.

— Кто рано встает, тому бог подает, — буркнул он и стал выкладывать из большой сумки банки с пивом и складывать их в холодильник. — Люди — странные существа, приезжают за тридевять земель, чтобы кататься на лыжах, и спят как сурки.

— В Москве на четыре часа меньше, — пожала плечами Патриция, — нужно несколько дней, чтобы организм перестроился.

— А ты тогда чего спозаранку вскочила? Нет мужика, чтобы в кровати держал?

Нет, бесцеремонности Патриция не терпела. Почему этот человек считает, что имеет право разговаривать с ней в таком тоне?

— Мы, кажется, не пили на брудершафт, — сухо сказала она. — Не совсем понимаю, почему вы обращаетесь ко мне на «ты».

— Ух ты, какая цаца, — восхитился Девятов. Захлопнул дверцу холодильника, отбросил в сторону сумку и подошел вплотную к Патриции, так близко, что она почувствовала на щеке его дыхание. — Если баба при-

езжает одна на горнолыжный курорт, значит, находится в поиске приключений на свою задницу. Надо признать, очень аппетитную. — Он протянул руки и довольно больно ущипнул Патрицию за попу. — Если не найдешь никого, кто бы тебя здесь оприходовал, то обращайся. На бабу мою не смотри. Она не ревнивая.

Теперь его руки бесцеремонно сжимали ее грудь. Патриция перестала дышать. Отвратительный зверь, дремлющий внутри ее тела, зверь, которого она так долго укрощала и пыталась приручить, поднял голову, оскалился, оцетинился, приготовившись к прыжку. Патриция слишком хорошо знала, что будет, когда зверь прыгнет. Она зажмурилась, пытаясь вызвать в памяти лицо своего адвоката и свои окровавленные руки, держащие розочку из разбитой бутылки. И кровь. Тогда было много крови.

— Руки убери, подонок, — услышала она и распахнула глаза.

По лестнице быстрым шагом спускался Эдик. Вид у него был решительный. Видимо, Девятов прочитал что-то на его лице, потому что руки действительно убрал и даже отступил на пару шагов.

— Так она с тобой, что ли? — спросил он. — Извини, мужик, я не знал.

— Она не со мной, но, если что, я впишусь, — ответил Эдик. — Тебя, кусок дерьма, не учили, что женщине нельзя руками трогать, если она об этом не просит? И еще вопрос: тебе перед женой твоей не стыдно?

— За базар отвечать придется, щенок. И мои отношения с женой — не твое собачье дело.

— За базар я отвечу. Я мастер спорта по боксу, да будет тебе известно, — сквозь зубы ответил Эдик. — Так

что вывеску я тебе точно попорчу, а повезет, так и пару ребер.

— Ты — мне? Да ладно, — усомнился Девятov, — если ты корочки МС купил, то это вовсе не означает, что ты и впрямь крутой. Видели мы таких офисных крутышек. Строят из себя крутых менеджеров, а сами просто куча навоза.

— Не ссорьтесь, — взмолилась Патриция, у которой пылали уши. — Пожалуйста. Давайте будем считать, что это недоразумение и все уже выяснилось. Эдик, я не сержусь на Олега, честное слово. Он не хотел меня обидеть, он просто не подумал.

— Ну так в следующий раз надо думать.

Снова хлопнула входная дверь, и в комнату ворвалась румяная с мороза Ирина. В руках она несла упаковку яиц.

— Ой, прекрасная сегодня погода, — жизнерадостно заявила она. — Солнце такое веселое. На горе чудесно будет. Правда, Олежек?

На Эдика она почему-то принципиально не смотрела, и Патриция заподозрила, что каким-то образом Ирина Девятова стала свидетельницей разыгравшейся здесь неприглядной сцены. Перед хозяйкой ей тут же стало неудобно, хотя виноватой она себя ни в чем не чувствовала. Что ты будешь делать. В прошлый раз она так же долго и болезненно избавлялась от чувства вины и стыда за то, что произошло. Ей казалось, что избавилась, но сейчас получалось, что не очень. И виноват в ее огромном разочаровании в себе был владелец турбазы Олег Девятov.

— Я, пожалуй, пойду прогуляюсь, — чуть звонче, чем требовалось, сказала Патриция, метнулась в холл, где

висела верхняя одежда, сорвала с крючка спортивную куртку, сунула ноги в дутые ботинки, хлопнула дверью и выскочила на морозный двор, действительно залитый ярким февральским солнцем.

Воздух опалил легкие неожиданным морозцем — Патриция глубоко дышала открытым ртом, чтобы прогнать из головы окутавший ее ядовитый туман. Ну почему она опять оказалась в такой ситуации? Ведь давала же себе слово, что с ней никогда больше не произойдет ничего подобного. Слезы навернулись на глаза. Мороз проникал под спортивные штаны с поддетой под них пижамой, стоять было холодно, нужно было либо возвращаться в тепло покинутого ею дома, либо куда-то идти. Патриция выбрала второе.

Тропинка, вернее, широкая дорожка, тщательно очищенная от снега, тянулась в глубь леса, у кромки которого стоял указатель: «Оленья ферма». Пожалуй, посмотреть на этих чудесных животных сейчас было бы лучшим лекарством, и Патриция быстро зашагала по дорожке, пытаясь то ли согреться, то ли убежать прочь от мучащих ее воспоминаний. На еловых лапах лежали толстые белоснежные шапки. Белизна вокруг была такой ослепительной, что начинали болеть глаза. В Москве Патриция совершенно отвыкла от нетропутого, первозданного белого цвета, и здесь он, казалось, примирял ее с тем, что ей только пришлось пережить.

Еще пять минут назад Патриция была уверена, что уедет из «Оленьей сторожки» сегодня же. Дождется, пока проснутся все обитатели дома, потихоньку соберет вещи, вызовет такси и отправится в аэропорт. Пусть там придется провести много времени, пытаясь купить би-

лет, но здесь она не останется ни на минуту. С каждым шагом по белой тропе ее решимость ослабевала.

Встающие по бокам горы, вершины которых были голубоватыми, точнее, отливающими волшебной синевой, натянутая на фоне этих гор канатка с раскачивающимися сиденьями, пушистые ветви елей, словно из детской, давно забытой сказки, все это было реальным и неожиданно прекрасным, в то время как оставленный в доме мерзкий мужик и ощущение его огромных рук на ее груди, наоборот, казалось выдумкой и рассеявшимся дурманом.

Нет, она ни за что отсюда не уедет, а будет наслаждаться своим нежданным, но выстраданным отпуском на полную катушку. Главное — не оставаться с Девятым наедине, тем более защитник у нее теперь есть. Как сказал этот самый Эдик? «Мы не вместе, но, если что, я за нее впишусь». Вот и хорошо, вот и славно.

Настроение внезапно улучшилось, и Патриция встала на цыпочки, чтобы окунуть пылающее лицо в холодную шапку снега на еловой лапе. Потревоженная ею ель встряхнулась, словно прикосновение Патриции ее разбудило, сбросила девушке на голову изрядную порцию снега, заставив присесть от неожиданности. Женский голос с легким акцентом, выдававшим Кайди Ратсепп, раздавался из глубины леса. Голос звучал с незамеченной ранее в эстонской красавице горячностью.

— Айгар, поверь мне, тебе это не нужно. Ты зря это придумал, и я вообще жалею, что пошла у тебя на поводу и согласилась приехать сюда.

Викинг, скорее всего, это был он, что-то пробубнил в ответ. Патриция не расслышала, что именно.

— Пожалуйста, не надо. Я хочу, чтобы ты передумал. Пожалуйста, не делай этого. Это ничем тебе не поможет, а лишь только все усложнит. Айгар, подумай обо мне, о детях. Пожалуйста, не надо.

Получалось, что Патриция подслушивает. Ей стало неловко, и, пятась задом, она начала выбираться из сугроба, стараясь не привлекать к себе внимания. Пять минут спустя она уже подходила к оленьей ферме, где в загоне гуляли грациозные животные, как взрослые, так и малыши.

От этой картины у Патриции перехватило дыхание. Олени выглядели трогательными и беззащитными, один из них, тот, что был ближе всех, повернул голову на звук приближающихся шагов, посмотрел Патриции прямо в лицо. Взгляд у него был доверчивый, не испуганный, видно было, что животных здесь не обижали. Не то что людей.

На мгновение Патриция вспомнила ощущение чужих пальцев на своей груди и передернулась от отвращения, но тут же снова взяла себя в руки. Нет, она не даст темному началу, поселившемуся у нее внутри три года назад, взять над ней верх. Не даст, и все. Она проживет здесь положенную неделю, будет дышать морозным воздухом, смотреть на белизну снега, любоваться оленями и, может быть, даже попробует встать на лыжи. И каждую минуточку, каждое мгновение этой недели она проживет с удовольствием, а не с темными мыслями. Вот так вот.

— Покормить хотите? — услышала она и очнулась от собственных мыслей.

Перед ней стоял пожилой человек, почти старик с морщинистым, но очень добрым лицом. Глаза у не-

го были не тусклыми, что часто встречается в пожилом возрасте, а живыми, блестящими. Глядя в эти глаза, Патриция улыбнулась.

— А можно? — спросила она. — Если можно, то я бы, конечно, с удовольствием.

— Мы в девять часов утра кормим, — все так же доброжелательно ответил собеседник. — Вот семья тут была с мальчиком. Веселый такой малыш, шевбутной. Так они вовремя пришли, покормить успели. А ты, милая, опоздала. Так что завтра приходи. Я же за их здоровье ответственный, а весь день кормить — непорядок. Вредно это. Так что я им с утра корм высыпаю. В специальные кормушки. Но, если уж очень хочешь, могу тебе яблоко дать. У меня есть, из дома прихватил.

— Не надо, — засмеялась Патриция. — Я завтра приду и яблоко с собой принесу обязательно. А пока так постою, посмотрю. Они такие красивые. А вас как зовут?

— Федор Игнатьич я, — с достоинством ответил старик. — Когда-то фельдшером был, а сейчас на пенсии вот тут живу, за оленями приглядываю. Не может человек без дела жить, не должен. Без дела не жизнь, а прямая смерть получается. Так что я сюда каждый день с утра пораньше приезжаю, а после обеда, ближе часикам к четырем, уезжаю. Я тут, в поселке, живу. Как на пенсию вышел, так и переехал из Норильска-то. Так что если что нужно, то ты говори, дочка.

— Спасибо, Федор Игнатьевич, — поблагодарила Патриция, каким-то внутренним чутьем вдруг понявшая, что старик наверняка одинок и ему просто нужен собеседник. С оленями-то не поговоришь. — Я обязательно к вам загляну. А пока побегу, а то холодно.

Она действительно начала замерзать, поскольку мороз — градусов пятнадцать, не меньше, — давно пробрался через тонкий трикотаж спортивного костюма и поддетой под него пижамы и теперь леденил колени. И все, что выше, тоже.

— Легко ты одета для наших мест, дочка, — попенял ей собеседник. — У нас тут студено, это тебе не Москва.

— Я обязательно переоденусь, — пообещала Патриция. — У меня есть теплая одежда, я просто не собиралась на прогулку, это случайно получилось.

Обратно к дому она бежала вприпрыжку, предвкусывая огонь в камине и еще одну чашку кофе. Первую-то она так и не допила. О возможной встрече с Олегом Деятовым девушка старалась не думать. Впрочем, в теплой столовой его и не оказалось. Там находились Ирина, по-прежнему колдовавшая у плиты, заканчивающий завтракать спаситель Эдик, присоединившийся к нему друг Серега, а также еще один гость базы — Павел. Отсутствовали Карина и Аркадий Петрович, видимо, любившие подольше поспать.

— Доброе утро, — вразнобой поприветствовали ее Павел и Сергей, а Эдик поднял голову, словно спрашивая взглядом, все ли в порядке, и тут же уткнулся в свою чашку с кофе.

— Здравствуйте, — ответила она.

— Что ж вы без завтрака-то убежали? — с укором спросила Ирина, водружая перед Павлом тарелку с яичницей. — Жарить вам яишню-то?

Внезапно Патриция почувствовала, что очень проголодалась.

— Да, конечно, — ответила она чуть виновато. Отчего-то ей было неудобно перед хлебосольной Ири-

ной за то, что ее муж — такая свинья. — Мне захотелось посмотреть, как кормят оленей. Я думала, что успею. Не знала, что надо к девяти приходиться.

— Спросили бы, я бы сказала, — пожалала плечами Ирина. — А яичницу сейчас приготовлю. Я вашу порцию Сергею отдала.

Голос ее как-то странно дрогнул. Интересно, знает ли она, что на самом деле заставило гостью убежать из дома на мороз? Думать об этом не хотелось.

— На гору пойдете? — спросил у Патриции Павел.

— Что? А, да. Хочу посмотреть, как это все устроено. Никогда не была на горнолыжном курорте. Ужасно хочется на канатной дороге проехаться, только страшно.

— А на лыжи встанете?

— Думаю, что не рискну, — Патриция вдруг засмеялась. — У меня с детства к ним страшная нелюбовь. Я бы вообще никогда не отправилась в такое место, только в этом году выбор невелик, да и подруга соблазняла красивыми видами. Виды действительно класс, так что я ни капельки не жалею о своем решении, но, боюсь, спустить меня с горы на лыжах не под силу никому.

— А я люблю. Пару лет назад это мое увлечение практически меня спасло. Как-то так получилось, что единственное, что имело смысл, — это свист ветра в ушах, когда ты закладываешь виражи на горе.

— Несчастливая любовь? — спросил Сергей, и Ирина у плиты вдруг с грохотом уронила сковородку.

Все оглянулись на этот звук, она, чертыхнувшись, бросилась мыть сковороду и затирать пятно масла на полу. Ой, не видать сегодня яичницы.

— Нет, просто жизненные обстоятельства, — спокойно ответил Павел. — У меня работа монотонная, вы-

бросу адреналина не способствующая. Так что пару раз в год горные лыжи — это именно то, что нужно. Правда, я обычно в Сочи летал, а в этом году вдруг решил сюда попробовать. Новая трасса — это всегда вызов.

— А кем вы работаете? — спросила Патриция, скорее, для поддержания разговора. — Вы все?

— Я лифты обслуживаю, — пожал плечами Павел. — Вернее, начинал с того, что был мастером, а сейчас у меня своя фирма, у которой договоры примерно с третью жилых домов в Архангельске. Ремонт сломавшихся, техническое обслуживание, замена старых лифтов на новые. Работы хватает.

— А я врач, — сообщил Сергей, отчего-то совершенно утративший свою вчерашнюю жизнерадостность. Он был какой-то хмурый и мрачный. Хотя, может, у него голова болит. Или он провел ночь с Кариной и просто не выспался?

Послышался звук упавшей вилки, и Павел, кряхтя, полез под стол ее доставать. Такое чувство, что у всех вокруг дырявые руки. Когда он вылез из-под стола, лицо у него было непроницаемым, словно невидимая шторка задернулась.

— А я — менеджер по продаже поликарбоната, — в голосе Эдика слышался какой-то непонятный вызов. — Ничего героического, как видите. Ну, еще кирпичи и бетон могу продать, если кому-то понадобится. Вам нужен бетон, Патриция?

— Мне — нет. Но, думаю, ваша работа ничуть не менее важна, чем любая другая. — Ей хотелось поддержать человека, вступившегося за нее час назад. Но, видимо, способ она выбрала неудачный, потому что Эдик нахмурился и отрывисто спросил:

— А что, кто-то считает иначе?

— Думаю, что нет, — улыбнулась Патриция, стараясь выглядеть милой. Почему-то все в комнате были напряжены, хотя разговор, классический английский small talk, напряженности не предполагал. С оленями и старичком Федором Игнатьичем общаться было явно проще.

— Вот ваша яичница. — Ирина поставила перед носом Патриции тарелку с двумя ярко-желтыми глазками, совсем не такими, какие получаются из магазинных яиц.

Пахла яичница, присыпанная какими-то местными травами, тоже одуряюще. Оставалось только достать блин, намазать его маслом, шлепнуть сверху кусок соленой семги, завернуть в рулет, откусить и зажмуриться от наслаждения.

— Ладно, я поел, спасибо, хозяйка. — Сергей с грохотом отодвинул стул, не глядя на Ирину, застывшую у мойки.

— Пожалуйста, — тихо ответила она.

— Эдик, я на гору. Ты идешь?

— Да, разумеется. — Друг Сергея тоже отодвинул стул и встал из-за стола. — Мы ведь именно за этим приехали. Павел, если хотите, догоняйте.

— Да, увидимся наверху, — кивнул третий мужчина. — Вот только завтрак доем, очень уж он у вас, Ирина, вкусный. Патриция, если хотите, я готов вас подождать, чтобы показать путь на гору. Отправляться туда в одиночку в первый раз — не совсем правильно.

— Да. Спасибо, — кивнула Патриция. — Но мне неудобно вас обременять. Вы же, наверное, хотите кататься.

— Так я и буду кататься, — засмеялся он. — И вы вообще меня не обременяете. Если хотите знать, то вы будете моей защитой.

— От чего? — не поняла Патриция.

— Не от чего, а от кого, — Павел сделал заговорщическое лицо и не выдержал, рассмеялся. — Видите ли, вчера эта милая дама Карина очень прозрачно намекала на то, что хотела бы видеть меня своим инструктором. Боюсь, я к этому не готов. Так что, если вы согласитесь составить мне компанию, то этим ко многому меня обяжете. Честное слово.

Итак, ее хотят использовать как ширму. Павел собирается сделать вид, что проявляет к ней интерес, чтобы остановить поползновения Карины в свой адрес. Интересно, на это стоит обидеться или нет? Патриция прислушалась к себе. Обиды не было, только холодное равнодушие. Кроме того, ей тоже нужна защита на тот случай, если владелец базы снова протянет к ней свои грязные руки. Эдика она, кажется, чем-то обидела, хотя и совершенно непонятно чем. По крайней мере, он на нее больше даже не смотрит. Что ж, если поблизости будет Павел, то у Олега Девятова тоже не будет шансов к ней приставать.

— Хорошо, — легко сказала она. — Я согласна составить вам компанию. Признаться, мне очень льстит, что вы не считаете меня способной на поползновения в вашу сторону. Не хотелось бы выглядеть как охотница за приключениями.

Именно в этом ее обвинил Девятов, и нанесенная его словами рана была еще слишком свежа.

— Поверьте, вы ни капельки на нее не похожи, — утешил ее Павел и залпом допил свой кофе. — Завтракните спокойно и идите собираться. Я тоже оденусь и буду ждать вас здесь, внизу. Договорились?

— Договорились, — кивнула в ответ Патриция.

На лестнице послышался звонкий стук каблучков Карины. Она спускалась по ступенькам в расшитом мехом пеньюаре, полы которого распахивались, открывая длинные стройные ноги в шлепанцах, тоже отороченных мехом. Распущенные черные волосы сбегали по спине, лохматые со сна. Впрочем, в том, что эта утренняя лохматость рукотворная, Патриция даже не сомневалась.

— О-о-о-о, я последняя, — жеманно сказала Карина, — какие вы все ранние пташки. Что вам не спится, на отдыхе-то? Павел, куда же вы? Может, составите мне компанию за столом?

— О, нет, я пас, мы с Патрицией собрались на гору, — любезно ответил тот.

— То есть я действительно проспала, — язвительно сообщила Карина.

Она дошла до стола, села, эффектно закинув ногу на ногу, видимо, чтобы Павел мог воочию убедиться, как много он потерял.

— Поздравляю тебя, дорогая. Ты отхватила самый лучший экземпляр особи мужского пола, — обратилась она к Патриции. — Понимаю, вот что значит десять лет разницы. Сколько тебе, тридцать? В твои годы я бы не дала тебе ни малейшего шанса.

— Тридцать два, — спокойно ответила Патриция. — А что касается шансов, то я не участвую ни в каком состязании.

— Ага, как же. Но мне сорок один, так что с этим приходится считаться. Правда, Ирочка? Вам-то сейчас сколько?

Хозяйка вздрогнула, видимо, от того, что не ожидала обращения к себе.

— Тридцать четыре, — пробормотала она. — Только какое это имеет значение?

— Совершенно никакого, — безмятежно сообщила Карина. — По крайней мере сейчас. Что ж, надеюсь, на оставшихся свободных мужчин никто не претендует? Надо же и мне попытаться счастья? Кстати, а где они?

— Сергей и Эдик ушли на гору, Аркадий Петрович еще не выходил, — сухо сказала Патриция.

— Яичницу, кашу или творог? — спросила Ирина. — Блины и все к ним на столе.

— Ах, дорогая моя, я не ем с утра блины. Вернее, я их вообще не ем. И именно поэтому в свой сороковник не выгляжу так, как ты. Я — женщина, а не расплзшаяся квашня. Творог. Чистый творог без сметаны. И никакого холестерина. Кофе без сливок и сахара. Это все.

Хамство Карины выглядело вдвойне обидным оттого, что было ничем не оправдано. Хозяйка турбазы вовсе не была толстой. Просто женщина в расцвете лет, чуть более года назад родившая второго ребенка. Может, она еще до сих пор кормит его грудью? Как бы то ни было, ее внешний вид Карину совершенно не касается.

Патриция не знала, как поступить. Одернуть хамку? Вступить за Ирину? Сделать вид, что ничего не произошло. К своему стыду, Патриция выбрала именно этот малодушный вариант.

— Спасибо за завтрак, Ирина, — сказала она, вставая из-за стола. — Все было очень вкусно. Вы — прекрасная хозяйка. Прошу прощения, мне нужно собираться. Не хочу заставлять Павла ждать.

Ответом ей был гомерический хохот Карины.

Самое трудное в жизни — принять ответственность за сделанный когда-то неправильный выбор. Мы все — результат своего выбора. Его продукт, если хотите. Мы привыкли жить, обвиняя других в своих неудачах, а ведь по большому счету в них не виноват никто, кроме нас самих. Мой приезд сюда — попытка это доказать. Пусть даже только себе.

Много лет я сожалею о том, что когда-то мы согласились на сделанное нам предложение. Мы были молоды и бедны. У нас не было ничего, кроме безумной любви. Мы были двумя половинками, волею судьбы соединенными в единое целое. Смешно, но тогда мы были уверены, что никто и никогда не разлучит нас.

Нас разлучило стремление состояться в профессиональном плане. Для хирурга нет ничего важнее, чем снова и снова вставать к операционному столу. Кто доверит это вчерашнему студенту, практически мальчишке? Особенно в Москве, где таких, как ты, жадных, мечтающих об успешной карьере, очень много.

Когда амбициозному человеку доверяют лишь тяжелые ночные дежурства, на которых ты снова и снова удаляешь аппендиксы и зашиваешь резаные раны, разве не начнешь думать, что готов заплатить любую цену, лишь бы пробиться, лишь бы тебя заметили? Во время бессонных ночей ты все больше утверждаешься в этой мысли, но никогда всерьез не думаешь о том, что когда-нибудь действительно найдется новый Мефистофель, который поманит тебя твоей мечтой, забрав взамен душу.

Наш Мефистофель попросил всего лишь тело. И это был наш выбор — соглашаться или нет. Точнее, конеч-

но, мой. Тогда, пятнадцать лет назад, все казалось простым и очевидным. Да, мы оба совершенно точно осознавали, что над нами ставят чудовищный психологический эксперимент. Но нам казалось, что мы сможем преодолеть его последствия, не сгорев в горнине разверзшегося перед нами ада. Мы ошиблись, и мой приезд сюда — попытка понять, что было бы, если бы мы решили поставленную перед нами задачу по-другому.

В условия задачи входили молодой, очень амбициозный врач и его жена, учительница. Он хотел стать знаменитым хирургом, она мечтала о собственной, пусть и однокомнатной квартире в Москве. Их ли вина, что им обоим предложили исполнить их самую заветную мечту одним махом. И все, что для этого требовалось, — измена. Их обоюдная измена друг другу.

Она первым делом испугалась. Он первым делом отказался. Она плакала от унижения. Ей казалось невыносимым, невозможным переспать с пятидесятилетним начальником своего мужа только потому, что у того появилась подобная прихоть. Начальник вообще слыл бабником, не пропускавшим ни одной медсестры. Почему он так сильно запал именно на нее, было совсем неясным. Скорее всего, именно из-за возможности изощренной психологической пытки, от которой он испытывал гораздо большее болезненное удовольствие, чем просто от доступного секса.

Да, он жаждал совершить насилие не над телом, а именно над душой женщины, попутно поставив условие, что ее муж ответит взаимностью на страстную влюбленность дочери насильника. Девятнадцатилетняя девушка, работавшая в отделении медсестрой, так сильно

влюбилась в молодого врача, что практически не давала ему проходу.

Он объяснял, что женат, но она плакала, похудела на пятнадцать килограммов и однажды попыталась перерезать себе вены. Он подумывал уволиться, но ни в одной другой клинике Москвы его не ждали, а он очень хотел работать, и не просто работать, а оперировать, не просто оперировать, а делать блестящие сложные операции, и все это ему пообещали только за то, что он пару раз перепихнется с безумно влюбленной в него молоденькой девочкой.

Ее отец, тот самый Мефистофель, отчего-то был уверен, что после парочки свиданий влюбленность дочери сойдет на нет. По крайней мере, им двоим он свой замысел объяснял именно так. Месяц романтических отношений подающего надежды ординатора с его доченькой — и назначение его ведущим хирургом, практически правой рукой знаменитого босса-профессора. Этот же месяц свиданий ординаторской жены с ним самим — и купленная на ее имя однокомнатная квартира. И главное — никаких обязательств в будущем.

— Ровно месяц, — говорил профессор им обоим, блестя черными глазами, в которых даже зрачки были практически не видны. Как есть черт. — Ровно месяц, и вы, моя милая, больше никогда меня не увидите, а ты, дорогой друг, никогда не услышишь о моей дочке. Я заставляю ее уволиться из нашей больницы, обещаю. Я бы сделал это сейчас, но ей нужно переболеть тобой как корью. Ровно через месяц я назначу тебя своим заместителем, и вы сможете переехать из съемного жилья. Мне кажется, вполне приличная компенсация за месяц неудобств. Хотя и неудобств-то никаких нет. Моя дочь —

влюбленная в тебя красавица. Я — умелый любовник. Так что не удивлюсь, если через месяц вам обоим не захочется расторгать наш... ммм... контракт.

— Мы еще не согласились, — ровным голосом сказал тогда мужчина.

— А я вас не тороплю, — любезно ответил искуситель. — До завтрашнего дня у вас есть время подумать. Вы должны будете дать мне ответ ровно в два.

— Я не хочу, — говорила она вечером. — Я не хочу с ним спать. Это неправильно. Это проституция — спать со старым чужим мужиком за квартиру. И я люблю тебя, ты — мой единственный мужчина, я не хочу тебе изменять.

— Конечно, — соглашался он. — Я не собираюсь тебя продавать, это гнусно. Нам и в съемной квартире неплохо. Когда-нибудь, когда я стану знаменитым, у нас будет достаточно денег на самое хорошее жилье. Вот только для этого нужно набивать руку, а если я откажусь, то этот старый хрыч не допустит меня к операционному столу. Он меня заест, и мне придется уволиться.

— Но я не хочу, чтобы ты спал с этой девчонкой, — плакала она. — Она молодая, гораздо моложе меня. У нее гладкая кожа, а у меня уже появились морщинки. Вдруг ты влюбишься и бросишь меня. Я этого не переживу.

— Я не собираюсь тебя бросать, — успокаивал он. — Эта девчонка — взбалмошная истеричка, склонная к театральности. Это ее перерезание вен всего лишь спектакль, с помощью которого она вьет из отца веревки. Со мной этот номер не пройдет.

— Значит, отказываемся? — спросила она.

— Отказываемся, — выдохнул он.